

ЭТНИЧНОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРС В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ТАКТИКАХ И ПРАКТИКАХ

Ю. М. Ботяков

Традиционные формы организации в абхазской армии в период войны 1992–1993 гг.

Во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. абхазские вооруженные формирования имели структуру согласно штатному расписанию современной регулярной армии. Личный состав управлялся штабами и командирами, имеющими звания и должности, аналогичные таковым в Российской армии. Однако рассматривать принятую в абхазской армии систему управления, вопросы субординации и в целом уклад ее внутренней жизни в качестве слепок Российской армии было бы большой ошибкой.

Говоря об основной единице абхазской армии, следует иметь в виду, что фактически мы имеем дело с элементом традиционной структуры, который в современных терминах точнее всего можно определить как «отряд самообороны села». Подобные отряды, вошедшие в историю как «партизанские», создавались в Абхазии накануне установления Советской власти в 1921 г. Их главной целью была охрана своего села от грабежа отступавших войск меньшевиков [Микава 2007: 240].

В рассматриваемый нами период из отрядов самообороны села, в дальнейшем преобразованных в батальоны, и состояли вооруженные силы абхазской армии, в первую очередь в восточной Абхазии, территория которой стала обширным партизанским краем, получившим название Восточного фронта (ВФ). Основные усилия этих отрядов были направлены главным образом на оборону территории своего селения, и только необходимость проведения общих операций перераспределяла центр тяжести этих сил. Следует отметить, что организация обороны, в которой заключалась одна из основных функций сельского сообщества в период военных действий, была характерна и для мегрельских сел. Так, в дневниках А. Кубравы, в частности, отмечается, что охрану сел. Отобая Гальского р-на осуществляли стоявшие на дорогах группы вооруженных молодых людей [Кубрава 2010: 182].

Вопрос структуры подразделений ВФ неразрывно связан с вопросами избрания командира, его полномочий, а также принятой системой управления. Видный абхазский этнограф Ш. Инал-Ипа, говоря о пережитках «военной демократии», отмечал, что «каждая община или племя имели своих вожаков (апыза), предводительствовавших как при защите от нападения, так и во время

набегов...» [Инал-Ипа 1960: 274]. А ргіогі можно предположить, что выдвижение командиров на ВФ проходило по той же схеме — на эту роль в первую очередь рекомендовались наиболее достойные претенденты из своей же поселковой или сельской среды. Статус командира — «вожака» — определялся реалиями военных будней, и в значительной степени был связан с «потолком» его оперативных возможностей. Как прокомментировал становление командира Киндгского батальона наш информант А.А. Аршба *«У него создался батальон, потому что он личность. Когда личность, вокруг него вырастает все»* (ПМА № 1894: 30). Процесс становления военного лидера не всегда был связан исключительно с талантом военачальника: в отдельных случаях на эту роль мог претендовать и способный организатор (ПМА № 1895: 38–39). Первое, что следует отметить, это значительный запас автономии, которым обладали командиры батальонов. О степени этой автономии, в частности, свидетельствует тот факт, что участь пленных, захваченных в ходе боев, в конечном счете решали командиры батальонов, руководство фронтом не могло вмешиваться в их распоряжения даже исходя из общих интересов (ПМА № 1894: 27).

Статус неформальных лидеров командиров отрядов, сформированных преимущественно по принципу территориальной принадлежности, в дальнейшем находил официальное подтверждение в соответствующих званиях и должностях, закрепленных в воинских приказах и документах. Эта традиция сохраняется и в настоящее время. В силах резерва — наиболее боеспособной части современной абхазской армии — недостаточно иметь звание, чтобы управлять воинским подразделением. Ниже приведенный эпизод, связанный с нападением отряда Р. Гелаева на территорию Абхазии осенью 2001 г., показательный пример той ситуации, когда властные полномочия делегируются именно неформальному командиру. *«Я подполковник тогда был, я уходил рядовым в разведгруппу. У нас был свой командир, он был просто рядовой... Я с погонями подполковника выполнял его приказы, потому, что он знает лучше меня и больше меня. Ну и ситуация такая была, не до чинов, не до амбиций. Т.е. ты видишь, что этот человек лучше тебя выполняет задачу и отдаешь свою свободу под него... и все хорошо получилось»* (ПМА № 1895: 35).

Вполне вероятно, что не всегда перераспределение властных полномочий в абхазской армии протекало и протекает столь бесконфликтно, но действующее правило, когда командиром становится человек, с точки зрения ближайших соратников наиболее соответствующий этой роли, в итоге расставляет все точки над «і». В противном случае «назначенец сверху» не имел бы реальной опоры в среде своих подчиненных.

В этой связи показательно, что во время Кавказской войны в русской армии наиболее частым правонарушением было именно «нарушение чинопочитания», «поскольку в условиях перманентной войны реальная иерархия не могла не вступить в противоречия с официальной» [Лапин 2006: 290].

Вопросы, связанные с разграничением «сфер влияния» между штабом, планирующим общие операции и олицетворяющим современную армию с ее

централизацией, и батальонами — отрядами сельской самообороны, представляются наиболее интересными. Нижеприведенное описание с достаточной степенью полноты характеризует взаимоотношения между штабом и командирами батальонов, сложившимися на ВФ: *«Вот операция какая-то... Ее надо быстро решить... Вот мы сидим в кругу и обсуждаем... И он начинает мне кучу каких-то доводов приводить, которые меня не устраивают... Я не верю в это, но мне приходится, потому что я не имею возможности прямого давления на него, как в русской армии. Я не могу приказывать»* (выделено нами. — Ю.Б.). *Я начинаю говорить... выигрываю себе какие-то минуты. Мы начинаем действовать по этой крестьянской логике, мы выигрываем, блестяще вообще»* (ПМА № 1895: 21–23).

В ситуации, когда командиры батальонов обладали значительными полномочиями, задачи по руководству этими отрядами представлялись далеко не простыми. В этих условиях методы управления личным составом, спаянным тесными узами фамильной и соседской солидарности, неизбежно должны были строиться не на формальной субординации, а на хорошем знании «скрытых механизмов».

В качестве примера приведем описание одной из операций на ВФ, где, по словам нашего информанта, *«абхазский обычай помог»* (ПМА № 1848: 8). Во время ответственной операции, когда одно из подразделений, не выдержав давления противника, стало отходить, командующий фронтом, обратившись к своему брату, находившемуся на этом участке, использовал следующий довод: *«Там доступная для всех старого образца радиостанция. Все друг друга слушают. “Послушай, у нас семеро братьев, как война началась, сколько людей погибло... Вроде бы все воюем, а все живые, даже стыдно на людях. Ты видишь, что происходит... я тебе на правах старшего брата приказываю: ... пускай все уходят, а тебе мой братский приказ: “Оставайся там, ты сегодня должен погибнуть... наших братьев хоть приукрасишь”»*. В этой ситуации, говоря словами нашего информанта, *«все уже постеснялись и остановились, выдержали этот натиск»* (ПМА № 1848: 11–12).

Фамильная (родовая) солидарность и круговая порука продолжают оставаться на войне важным фактором, определяющим поведение ее участников. Последствия воинского проступка слишком очевидны: *«У нас узнают об этом окружающие, соседи, родственники, семья. Такой позор... страш[ный] моральный ущерб можно нанести...»* (ПМА № 1848: 7). Поэтому огласка воинского преступления, согласно точке зрения нашего информанта, наносит удар по репутации практически всех членов фамилии, что не могло не учитываться высшим руководством Абхазии. *«Я думаю, что наш президент [В.Г. Ардзимба] тоже очень мудро тогда поступил, что такие явления, которые у нас наблюдались во время войны... [случай дезертирства и т.п.] он не стал... жестко подходить, как Сталин. Потому что у нас такая маленькая нация, нас мало. И если на одного человека скажут, что это предатель Родины, это может даже оскорбить целый род»* (ПМА № 1848: 26).

Отдельно отметим один из сложившихся механизмов, с помощью которого осуществлялось взаимодействие высшего командного звена с основной структурной единицей. Согласно полученной нами информации, в годы войны на должность командира одной из бригад командирами батальонов был выдвинут человек, обязанности которого фактически сводились к осуществлению контакта с высшим командованием. Фактическое же руководство бригадой осуществлялось совместными усилиями командиров батальонов. Подобная стратегия поведения командиров батальонов объясняется тем, что никто из них, потенциально подходивших на эту должность, не хотел заниматься непривычной штабной «бумажной» работой.

Система воинского учета и мобилизации сил резерва в послевоенной Абхазии фактически продолжает традицию, сложившуюся в период войны 1992–1993 гг. Так, например, в Сухуме в настоящее время население определенного «квартального сообщества» — двора, квартала и т.п. — представляет отдельное армейское подразделение, возглавляемое своим командиром, которым является наиболее авторитетный житель. Наш информант привел конкретный случай, когда назначенный «сверху» офицер не смог реально возглавить подразделение, где старшим уже был неформальный лидер квартального сообщества. Тем не менее выход из сложившейся ситуации, устраивающий обе стороны, был найден. Офицеру было предложено, по сути, взять на себя функции связующего звена между министерством обороны и «своим» подразделением (ПМА № 1895: 29–32).

Как представляется, здесь мы наблюдаем не только сосуществование и взаимодействие традиционной и современной организационных армейских структур, но и проявление столь характерного для абхазской культуры института посредничества, с помощью которого общество имело возможность решать задачи различной сложности, демонстрируя при этом гибкий подход к проблеме и готовность к компромиссу.

Источники

Полевые материалы автора — ПМА. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1848.

ПМА. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1894.

ПМА. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1895.

Библиография

Инал-Ипа Ш. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960.

Кубрава А. Дорога к сраму. Сухум, 2010 (Абхазский дневник. XX век. Вып. II).

Лалин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.

Микава Б.А. Из воспоминаний // Участники освободительного движения в Абхазии 1917–1921: Воспоминания киаарозовцев, красногвардейцев и красных партизан. Сухум, 2007.